

Иванна Краса

Реально о нереальном или
нереально о реальном?

Иванна Краса

**Реально о нереальном или
нереально о реальном?**

«Автор»

2026

Краса И.

Реально о нереальном или нереально о реальном? / И. Краса —
«Автор», 2026

Волшебные истории-порталы, которые перенесут читателя в иные миры.
Сказка - ложь, да в ней намек, Добрым Молодцам урок. Каждый Молодец и
Девушка найдут здесь свой клубок.

Содержание

Три лика Яви: Хроники Белого, Синего и Алого	5
Объединяющая Миры	7
Навья тропа	11
Наследница ночи	13
Ночь на Ивана Купала	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иванна Краса

Реально о нереальном или нереально о реальном?

Три лика Яви: Хроники Белого, Синего и Алого

Мир не всегда был таким, каким мы видим его сейчас. В незапамятные времена, когда само время было лишь вязкой глиной в руках Первотворца, Вселенная раскололась на три великих потока бытия, сплетенных воедино тугим узлом судьбы. Люди назвали это единство Россией, но древние волхвы ведали истинную суть этого слова — гармония трех миров.

Белый: Покров Правы

Первый цвет полотнища — ослепительно-белый, как первый снег или перья священной птицы Гамаюн. Это цвет Правы, горного мира, где обитают боги и высшие законы мироздания. Белый — это не просто отсутствие цвета; это чистый свет, из которого соткана сама истина и божественный замысел. Он символизирует совесть народа, его стремление к справедливости и духовный стержень, который невозможно согнуть.

Когда солнце только касается горизонта, окрашивая небосвод в жемчужные тона, оно дарит земле благословение Правы. Этот свет пронизывает всё сущее, даря ясность мысли и указывая путь праведникам. Без сияния белого полотна душа народа слепнет, теряя связь с предками и вечностью, превращаясь в корабль без руля и ветрил в бушующем океане хаоса.

Синий: Глубины Нави

Вслед за светом приходит синий — глубокий, холодный и непостижимый, словно воды Мирового океана или бескрайнее ночное небо. Это цвет Нави, потустороннего мира, обители теней, памяти и тайных знаний. Если белый — это разум и дух, то синий — это подсознание, интуиция и та первобытная сила, что течет в жилах земли-матери.

Синий — это мудрость веков, скрытая под толщей вод времени. Это цвет скорби по павшим героям и одновременно цвет надежды, ибо именно из темных глубин рождается новая жизнь. Волны рек, омывающих берега этой страны, несут в себе отголоски древних сказаний и шепот ушедших поколений. Синий — это память, которая связывает живых с мертвыми, позволяя черпать силу из корней своего рода. Стоит убрать этот цвет, и народ теряет свою историю, становясь перекасти-полем, гонимым ветрами забвения.

Алый: Пламя Яви

И наконец, третий цвет — алый. Не просто красный, а живой, пульсирующий, яростный. Цвет крови, огня и жизни. Это цвет Яви — нашего материального, физического мира. Здесь сталкиваются клинки, здесь строятся города, здесь человек проходит свои земные испытания. Алый — это энергия созидания через разрушение, это страсть, мужество и самопожертвование.

Это пламя горит в сердцах людей, заставляя их вставать на защиту родной земли. Оно обжигает ладони кузнеца, кующего булат, и освещает лица воинов перед смертельной битвой. Красный — это цена, которую приходится платить за право существовать. Это кровь, пролитая за свободу, и огонь, согревающий в лютую стужу. Без этого огненного всполоха белое полотно станет саваном, а синее море — ледяной могилой. Лишь алый цвет заставляет мир двигаться вперед, бороться и жить.

Единство Трех Миров

Три этих цвета, наложенные друг на друга, образуют нерушимый союз. Они не враждуют между собой, но дополняют друг друга, создавая великое равновесие. Нельзя быть сильным в Яви (алый), если ты забыл заветы предков из Нави (синий) и потерял путеводную звезду Прави (белый). Попытка отвергнуть один из цветов ведет к катастрофе: отказ от белого порождает тиранию и беззаконие, отречение от синего — беспамятство и потерю идентичности, а изгнание алого — немощь и вырождение.

Так и стоит эта земля на стыке трех реальностей. Её судьба — вечно поддерживать этот хрупкий баланс. И пока над её просторами развевается знамя, сотканное из света небесного, глубины подземного царства и пламени земной жизни, она будет стоять несокрушимо. Потому что это не просто флаг. Это карта души великого народа, заключенная в три простых цвета, хранящих секрет.

Объединяющая Миры

В городе, где туман с реки смешивался с дымом фабричных труб, жила девушка по имени Агата. Она работала в букинистической лавке «Старый Фолиант», и её мир пах книжной пылью, пожелтевшей бумагой и едва уловимым ароматом корицы от чая, который она заваривала себе на обед.

Агата всегда чувствовала себя немного не на своём месте. Иногда, проходя мимо старого зеркала в подсобке, ей казалось, что из серебристой глади на неё смотрит кто-то другой. А когда она касалась особенно древних книг, пальцы начинало покалывать, словно сквозь них пробегали невидимые искры.

Всё изменилось в один промозглый октябрьский вечер. В лавку зашёл странный посетитель — сухой старик в плаще, от которого пахло озоном и осенним лесом. Он долго бродил между стеллажами, а затем положил перед Агатой на прилавок тонкую книгу в переплёте из потемневшей кожи. На обложке не было названия.

— Сколько? — проскрипел он.

Агата хотела назвать цену, но стоило ей коснуться книги, как мир вокруг поблек. Звуки улицы исчезли. Воздух стал густым и вязким, как мёд. Старик улыбнулся одними уголками губ и растворился в воздухе, оставив после себя лишь запах прелых листьев.

Книга сама открылась в её руках. Страницы были пусты, но Агата знала, что должна сделать. Её рука, ведомая инстинктом, которого она раньше не знала, начала выводить на пергаменте слова. Не просто писать — создавать. Описывая залитую солнцем поляну, она почувствовала аромат цветущего вереска. Рисуя в воображении величественный город под стеклянным куполом, услышала гул его механизмов.

Она была Объединяющей Миры.

Её дар заключался ни в магии огня или воды, ни в умении исцелять или проклинать. Её силой был синтез. Агата могла находить тонкие нити сходства между мирами — общим воспоминанием, похожим запахом, единой эмоцией — и сплетать их воедино, создавая временные мосты. Это требовало невероятной концентрации: нужно было найти общую деталь, точку соприкосновения, и усилием воли стянуть края двух реальностей.

Сначала это пугало. Агата случайно соединила свою кухню с миром вечного заката, и несколько дней у неё дома не наступала ночь, а тени жили своей жизнью. Но постепенно она научилась управлять даром. Она поняла, что может быть проводником для потерянных душ, которые заблудились между мирами, или помогать существам из разных реальностей обмениваться знаниями.

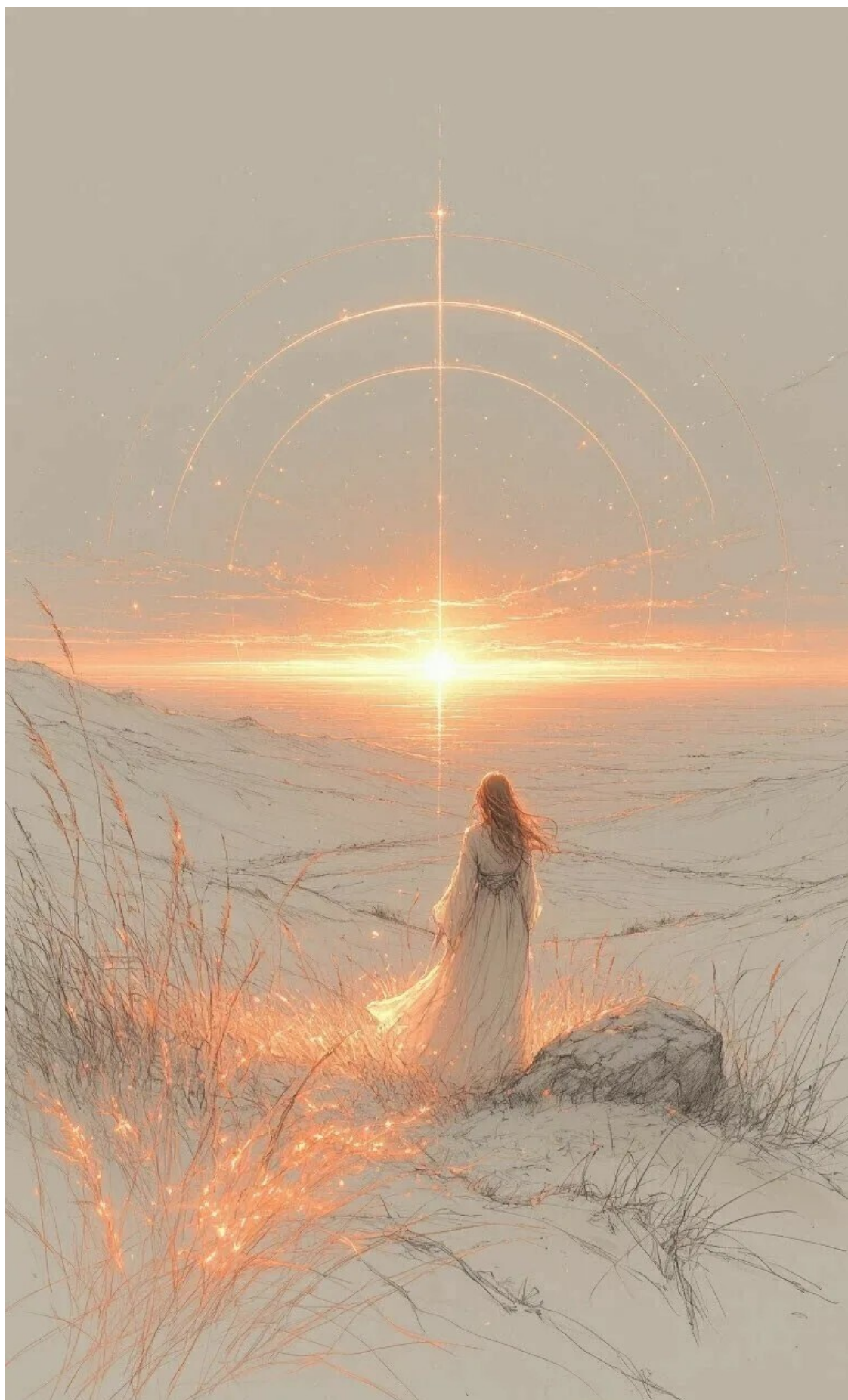
Однажды к ней пришёл эльфийский принц, чья возлюбленная оказалась заперта в мире без магии. Их связывала только одна общая вещь — песня, которую они оба любили. Агата нашла эту мелодию в ткани миров и сплела портал, сотканный из чистых нот. Они смогли встретиться на один час на границе сумерек, прежде чем реальность снова распалась на части.

Но дар имел и обратную сторону. Чем больше миров она соединяла, тем тоньше становилась грань её собственного мира. Реальность вокруг Агаты начала давать трещины. Предметы иногда мерцали, показывая свой истинный облик из другого измерения. Люди на улице порой замирали, словно статуи, если в этот момент она удерживала открытым слишком большой переход.

Агате предстояло сделать выбор. Она могла стать величайшим архитектором межпространственных путей, навсегда изменив баланс Вселенной, рискуя при этом полностью стереть своё собственное существование. Или же отказаться от дара, запечатав его внутри себя, чтобы спасти тот единственный мир, который подарил ей жизнь.

Она стояла посреди своей комнаты, держа в руках ту самую первую книгу. Теперь страницы были исписаны историями сотен миров. Агата глубоко вздохнула, закрыла глаза и сделала то, чему научил её дар: она нашла общую нить. Нить любви к этому несовершенному, серому, но такому родному городу. И одним последним, колоссальным усилием она вплела все созданные ею порталы обратно в ткань реальности, укрепляя барьеры между мирами, но оставляя крошечные, почти незаметные тропинки для тех, кому действительно нужна помощь.

Когда она открыла глаза, книга превратилась в обычную стопку пустых страниц. Магия ушла. Но Агата знала: теперь она стала Хранителем. И однажды, возможно, к порогу её букинистической лавки снова придёт путник, которому понадобится проводник домой.

Навья тропа

В далекие времена, память о которых дошла лишь иносказательно, имя Иван произносили с трепетом. Это было не именем, а печатью избранности. У таких людей был особый знак на запястье левой руки, который мог видеть только он. На самом деле, «иван» — это слово-зеркало, перевертыш. Прочти его задом наперёд, и откроется истинная суть: Навъ. Навий человек. Человек Нави. Тот, кому по праву крови или по зову предков дозволено было переступить незримую черту. Он был мостом между миром живых, Явью, и миром предков, духов — Навью. Но Навъ не ограничивалась только этим. В широком смысле это могли быть все иные миры. В узком смысле — мир предков. Туда ходили за мудростью веков, за силой, способной исцелить неизлечимое, или за ответами на вопросы, от которых зависела судьба всего рода.

Но путь этот был недоступен обычным людям: не каждому дозволено было войти в эти серые сумерки. Дверь в Навъ открывалась лишь перед теми, в чьих жилах текла особая, "темная" кровь, или перед теми, кого сам мир Нави выбрал своим вестником. И уж тем более не каждому было позволено вернуться обратно. Граница между мирами тонка, как первый осенний лед. Один неверный шаг — и ты навеки растворишься в серой мгле, став лишь безмолвной тенью.

В промозглом питерском дворе, где серый бетон пожирал остатки света ещё до полудня, жил парень по имени Артём. Он считал себя абсолютно заурядным: работал бариста в модной кофейне на Лиговском, носил растянутые свитера и слушал пост-рок, потому что тот идеально сливался с шумом дождя.

Единственной странностью Артёма были его сны. Каждую ночь он летал над бескрайней тайгой. Не как птица — скорее, как туман, просачиваясь сквозь вековые кедры и лиственницы. Во сне он видел древние стойбища, слышал непонятные, но будто знакомые песни и чувствовал запах дыма от костров, который не обжигал ноздри, а успокаивал. Просыпаясь, он помнил лишь обрывки: блеск медвежьего клыка на шее у старика да ощущение бесконечного холода, который почему-то согревал изнутри.

Жизнь шла своим чередом, пока однажды вечером в кофейню не зашла старушка. От неё пахло хвоей и чем-то горьким, похожим на полынь. Она молча положила на прилавок подвеску с кристаллом бирюзового цвета.

— Ты потерял это, иван, — сказала она на чистом русском языке, но слово «иван» прозвучало так, будто оно принадлежало другому миру. Голос её был тихим, но заставил замолчать гул кофемолки.

Артём хотел возмутиться, сказать, что это какая-то ошибка, и он никакой не Иван. Но слова застряли в горле. Его рука сама собой потянулась к кристаллу. Как только пальцы коснулись холодного камня, мир вокруг дрогнул. Гул кофемашины превратился в рев медведя, а лица посетителей поплыли, сменяясь масками духов.

Бабушка смотрела ему прямо в душу:

— Твоя кровь спит под асфальтом, но духи предков зовут тебя домой. В тебе течет сила тех, кто говорил со зверями и укрощал ветры. Ты думал, твои видения — просто усталость? Это зов. Пора вспомнить, кем ты был до того, как родился здесь.

Она развернулась и вышла, оставив после себя лишь колыхание воздуха и звенящую тишину. На ладони Артёма лежала подвеска. Она пульсировала теплом.

В ту же секунду реальность вернулась: клиент нетерпеливо кашлянул, требуя свой флэт-уайт. Но Артём уже не был прежним. Посмотрев на своё отражение в хромированной поверхности кофемашины, он увидел не уставшего студента, а чей-то древний, пронзительный взгляд, полный вековой мудрости. Он понял, что вся его жизнь в мегаполисе была лишь маскировкой, сном внутри сна.

Он снял фартук. Сегодня эспрессо подождет. Ему нужно было срочно купить билет на поезд куда-нибудь на Урал, чтобы найти ту бабушку и спросить, как снова научиться говорить с ветром...

Наследница ночи

В мире, где тени длиннее дня, а солнце считается лишь мифом из старых сказок, жила девушка по имени Элиана. В своей земной жизни она была студенткой-архитектором, чьи сны всегда были наполнены строгими линиями и чертежами будущего. Но три ночи подряд ей снился один и тот же сон.

Она стояла в тронном зале огромного замка, высеченного прямо в скале. Здесь не было ни единого окна, пропускающего губительный свет, но пространство дышало величием. Стены украшали гобелены цвета индиго и обсидиана, а на высоком троне сидела женщина с бледной кожей и глазами, похожими на застывшую ртуть — её точная копия.

«Ты дома», — прошелестел голос, который звучал одновременно снаружи и внутри.

Элиана проснулась в холодном поту, чувствуя странную тяжесть в груди. Она помнила всё до мельчайших деталей: запах озона после грозы, прохладу мрамора под босыми ногами и чувство безграничного одиночества, исходившее от обитателей этого места. Самым пугающим открытием стало то, что во сне она испытывала к ним не страх, а глубокую, щемящую жалость.

В следующую ночь видение повторилось. На этот раз «другая» Элиана подошла ближе. Её кожа действительно казалась полупрозрачной, как тонкий фарфор, но в ней не было ничего мертвенного или хищного.

— Люди называли нас чудовищами, — сказала принцесса вампиров, глядя на спящую девушку. — Они приписали нам жажду крови и ненависть к жизни. Это ложь, рожденная их страхом перед тьмой. Мы — дети Ночи, потому что Свет для нас яд, разрушающий саму суть нашего бытия. Нам не нужна ваша кровь; мы питаемся энергией звезд, которые видим через призму теней. Мы просто другие.

Картинка сменилась. Элиана увидела город под землей: сады, освещенные биолюминесцентными грибами, библиотеки, хранящие знания тысячелетий, и семьи, живущие в гармонии. Никакой агрессии, только тихое достоинство существ, вынужденных скрываться от мира солнца.

Проснувшись утром, Элиана долго смотрела на солнечный зайчик на стене. Впервые в жизни она почувствовала вину за свой вид. Всю жизнь она считала вампиров злом, монстрами из фильмов ужасов, но теперь эта информация казалась ей грубой карикатурой, оскорблением целого народа.

Сон не отпускал её неделю. Он давил на сознание, требуя ответа. Зачем ей это показали? Почему именно она?

Ответ пришел внезапно, когда на лекции по истории архитектуры профессор упомянул о древних катакомбах под городом. У Элианы перехватило дыхание. Схема подземелий на экране монитора в точности совпадала с картой столицы вампирского королевства из её сна.

Это был не просто сон. Это был зов.

Той ночью она спустилась в старые подвалы университета. Пыль и вековая сырость окутывали её, пока пальцы не нащупали неприметный камень. Нажав на него, она услышала глухой щелчок механизма. Часть стены бесшумно ушла в сторону, открыв проход в темноту.

Элиана сделала шаг вперед, не включая фонарик телефона. Темнота больше не пугала её. Напротив, она казалась уютным одеялом. Впереди, в глубине коридора, зажглись два тусклых серебристых огонька. Принцесса ждала её.

Встреча двух версий одной души произошла в полной тишине. Земная Элиана протянула руку своему двойнику, и та приняла её. Ладонь вампира оказалась сухой и теплой, вопреки всем земным легендам.

— Ты пришла, — прошептала наследница трона. — Сон показал тебе правду, чтобы ты стала мостом. Граница между нашими мирами истончается. Скоро люди узнают о нас правду, и начнется хаос. Только человек, способный сострадать Тьме, сможет предотвратить войну.

Элиана кивнула. Теперь она знала своё предназначение. Ей предстояло стать послом рас-света в королевстве вечной ночи, доказывая миру, что истинное зло часто кроется не в тех, кто прячется в тени, а в тех, кто боится включить свет понимания.

Ночь на Ивана Купала

В самую короткую ночь года, на Ивана Купала, Лада долго не могла уснуть. За окном её старого деревянного дома пел сверчками июльский лес, а воздух был густым от запаха папоротника и речной прохлады. Стоило ей закрыть глаза, как мир вокруг растворился.

Она стояла в месте, где небо было цвета индиго, но без звёзд — оно светилось само по себе. Воздух здесь звенел чистотой. Перед ней возникли две фигуры, сотканые из золотистого света. Они не имели чётких человеческих черт, но Лада знала: это Учителя.

— Ты спишь? — спросил один голосом, похожим на шелест листьев.

— Я знаю, что нет, — ответила она, чувствуя абсолютную радость и покой, которых никогда не испытывала наяву.

Учитель улыбнулся (хотя рта у него не было):

— Мы ждали тебя. Срок истёк. Почему ты до сих пор не нашла их?

Лада почувствовала холодок внутри, несмотря на тепло этого мира.

— Тринадцать планет... Я ищу их всю жизнь, но они словно прячутся. Я смотрю в телескопы, читаю древние свитки, изучаю карты звёздного неба...

Второй Учитель покачал головой, и его сияние стало чуть мягче:

— Ты ищешь глазами плоти. А нужно искать сердцем духа.

Ей было так хорошо рядом с ними, что мысль о возвращении вызывала физическую боль.

— Пожалуйста, — прошептала Лада, боясь расплакаться. — Дайте мне хоть что-то. Что-нибудь материальное отсюда. Чтобы я проснулась и знала, что вы реальны.

Они переглянулись. В пространстве между ними возник кристалл. Он не имел граней ювелира; он рос сам по себе, переливаясь изнутри мягким малахитовым светом, пульсируя в такт невидимому сердцу. — Это осколок живой воды, — сказал Первый. — Храни его. Резкий вдох. Лада села в кровати. На тумбочке ничего не было. Рука сжимала пустоту, но кожа всё ещё помнила гладкость камня. Она посмотрела на свои ладони — под ногтями осталась мерцающая зелёная пыль, пахнувшая озоном и мокрым камнем после грозы. Но самого кристалла не существовало. Тонкий мир не отдаёт своих сокровищ просто так. Девушка подошла к окну. Небо начинало сереть. "Тринадцать планет", — крутилось в голове. Она открыла свой старый дневник наблюдений за природой. И тут её осенило. Учителя говорили не об астрономии. Древние славяне называли «планетами» или странниками небес не только Марс или Венеру. В славянской космогонии миров больше, чем кажется физикам. 13 планет, которые ей предстояло найти, оказались состояниями бытия и местами силы:

1. Явь — наш видимый мир, который нужно научиться видеть заново, замечая чудо в капле росы.

2. Навь — мир теней и предков, куда уходят души. Найти вход туда можно через глубокие сны или места древних захоронений.

3. Правь — мир высших законов и богов. Состояние абсолютной ясности ума.

4. Славь — слой, где обитают светлые духи природы. Её нужно было найти в пении птиц на рассвете.

5. Пекло — не ад, а место очищения огнём страстей и испытаний.

6. Ирий — райский сад, первый земной Эдем, скрытый в цветущих долинах Алтая или Кавказа.

7. Китеж-град — сокрытое озеро Светлояр, духовный оплот Руси.

8. Остров Буян — сакральный центр мира, пуп земли, находящийся там, где встречаются четыре ветра.

9. Бел-горюч камень Алатырь — точка пересечения всех дорог и времён.

10. Синий Лес — измерение, где растут деревья мудрости, доступные лишь тем, кто прошёл испытание тишиной.

11. Река Смородина — граница между жизнью и смертью, которую нужно пересечь без страха.

12. Хрустальная Гора — внутреннее пространство чистоты, где мысли становятся прозрачными.

13. Земля Сама Суть — планета Земля, увиденная не как шар грязи и камней, а как единый дышащий организм, Гайя.

Лада взяла со стола блокнот. Кристалла в руке не было, но зелёная пыль на пальцах начала медленно таять, впитываясь в кожу. Теперь поиск планет превращался в великое путешествие внутрь себя и в самые потаённые уголки родной земли. Иван Купала только начался, а магия уже сработала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.